

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

CIAŁO I RZECZ W LITERATURZE

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-491-6

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Ciało i rzecz w literaturze

Татьяна Автухович Оппозиция нагой/одетый человек в современной культуре	15
Joanna Getka Lekarstwa, narzędzia i metody leczenia w domu w XVIII wieku (na materiale porad z druków bazyliańskich)	33
Валентина Бондаренко Вещный мир в традиционных русских колыбельных песнях	49
Weronika Dulęba Jak kocha kamień? Status przyrody nieożywionej w wybranych utworach Marii Sadowskiej	59
Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska Роль предметов в жизни и творчестве Тэффи	71
Евдокия Нестерова Золотая окружность – вещная судьба мира	81
Rafał Siwicki W kręgu najprostszych rzeczy. Rola przedmiotów w <i>Białym statku</i> Czingiza Ajtmatowa	91
Magdalena Ślawska <i>Leksikon YU mitologije</i> , czyli przeszłość zaklęta w rzeczach	103
Marta Zambrzycka Używki w powieści kryminalnej na przykładzie powieści Erika Axla <i>Sunda Oblicza Victorii Bergman</i>	117

Ольга Бараш Метафізика вещи в творчестве «бездомных» поэтов (Збигнев Херберт и Иосиф Бродский)	129
Ирина Коган Вещный мир современной российской детской поэзии	141
Beata Siwek Символика реквизита в современной белорусской драматургии	149
Вольга Нікіфарова Рэчы, дарагія сэрцу, у мастацкім свеце лірычнай прозы Янкі Брыля	165
Iwona Mityk Kondycja ludzi i rzeczy w wybranych opowiadaniach Andrzeja Stasiuka	177
Кира Гордович Мотивы и образы в книге Л. Улицкой <i>Священный мусор</i>	191
Dorota Żygadło-Czopnik „O czym rzeczą rzeczy”, czyli wspomnienia rodzinne w powieści <i>Zaziemie</i> Jany Šrámkovej	197
Monika Knurowska Świat rzeczy w zbiorze opowiadań Asara Eppela <i>Trawiasta ulica</i>	211
Анна Синицкая «При помощи вещей»: сюжет как rebus в новейшей драме	227
Валентина Біляцька Функція речі в ритуалі та повсякденному житті (на матеріалі українських історичних романів у віршах)	243
Наталія Городнюк Концепт машини у модерністському романі 20-х рр. ХХ ст.: компаративні аспекти	255
Нина Мороз Метафізика искусственного тела в новеллистике Р. Брэдбери (<i>Электрическое тело пою!</i>)	269

Ирина Плеханова Метаморфозы тела в одноактной драматургии Л. Петрушевской	281
Анастасия Липинская Что значит быть человеком? Тело и машина в новеллизациях ролевой игры <i>Warhammer</i>	295
Андрей Марданов Феномен замещающей реальность симуляции в творчестве Мартина Эмиса	305
Татьяна Светашёва Новые твёрдые поэтические формы в русскоязычном Интернет-пространстве	315
Юрий Лабынцев Современное интернетвидение героики защитников крепости Осовец как кибертекст	327

Ирина Коган

Самарский государственный университет

Вещный мир современной российской детской поэзии

Вещный мир детской поэзии сам по себе представляет уникальное явление. Но особенно отчетливо его художественное своеобразие проявляется на фоне вещного мира поэзии взрослой.

Взрослая поэзия – не про вещи, она – про чувства. В центре ее – образ переживания. Сами по себе переживания эти не часто связаны с вещами. Поэтому вещный мир в поэзии в целом представляется все-таки чем-то достаточно факультативным, а порой и вовсе не обязательным: нам не составит никакого труда найти стихи, в которых вещей не будет совсем или они будут фоном и неким «дополнением» к созданному автором образу переживания. Другое дело, что вещи нередко каким-то образом оказываются с этими переживаниями «сцепленными», или поэт через какие-то конкретные вещи пытается передать читателю свои чувства. И тогда вещи в стихах становятся знаками чувств, их материальными воплощениями, метками, «обложкой чувств», некими сигналами, которые поэт посылает читателю, рассказывая о своем сокровенном. Нередко именно какая-то конкретная вещь в стихах позволяет читателю абсолютно точно понять внутреннее состояние лирического героя или героини (достаточно вспомнить ахматовское «я на правую руку надела перчатку с левой руки»).

Совсем иное – в детской поэзии.

Что такое вещь в детских стихах? Она играет в них совершенно особую, уникальную роль – поскольку эту же роль она играет и в самой детской жизни. Ведь игрушки – главная тропинка детей во взрослое пространство – это тоже предметы, принадлежащие миру вещей (вспомним, например, существующие и по сей день детские «секретики», спрятанные в земле под стеклышком ничего не значащие для окружающих бумажки и камушки, которые для их малень-

ких хозяев-создателей оказываются воплощением какой-то важной тайны, чего-то очень значимого).

Детский мир – это мир вещей, знакомых и незнакомых, привычных и непривычных. Старых и новых, реальных и виртуальных, обыденных и наполненных самыми неожиданными фантастическими смыслами.

Дети не просто живут среди всех этих вещей – они живут с ними, их изобретают, оживляют и через них познают окружающую действительность, ее правила и законы. И этот игрушечно-реальный мир детской жизни помогает им войти в жизнь взрослую, понять, что в ней как устроено. И поэтому их существование принципиально двойственное: оно вещно-чувственное (где чувства часто прячутся за вещи) и реально-виртуальное одновременно. Ведь детский мир в принципе – это, в первую очередь, именно мир значимых предметов и вещей.

Поэтому именно для детской поэзии все это особо значимо!

Основные параметры детского поэтического мира, как и всякого мира, – время и пространство. Третья координата этого мира – его «консистенция», материал, из которого он создан. Это «вещная» координата – его специфическая ключевая составляющая, поскольку она есть основа детского мироустройства. Чувства, переживания и мысли передаются в ней, как правило, именно через конкретные предметы. В отличие от «взрослого» поэтического мира, оба параметра мира детской поэзии – и пространство, и время – в первую очередь, именно через вещный мир и в нем воплощаются. Его элементы тем или иным образом располагаются в пространстве и времени и их фактически создают.

Лирический герой детской поэзии – ребенок, и этот столь значимый для себя вещный мир он постоянно исследует – причем делает это не виртуально, а что называется предметно, практически – он его осматривает, ощупывает, обнюхивает, «обслушивает». С вещами он – в отличие от лирического героя взрослой поэзии (для которой «живые» вещи и общение с ними, их «самостоятельное существование» в стихах – лишь художественный прием) – действительно общается, как и в реальной жизни. Поэтому для него и для его читателя это абсолютно естественно – с ними разговаривать, дружить, ссориться, мириться, он их любит, ненавидит, ревнует.

Все это делает вещный мир детской поэзии крайне сложным и многообразным.

Вещей в тексте может быть много – и тогда они даже складываются в целый мир вещей. А может в нем быть всего один предмет, но

очень важный – точно так же, как это бывает и в жизни, когда у ребенка есть одна особенная игрушка, с которой он спит.

С одной стороны, это просто вещи, с другой стороны – это вещи родные, вещи ожившие – чаще всего они игрушки. Здесь в одном ряду оказываются и «живые» звери, и игрушки неживые (в цикле стихотворений Агнии Барто – Мишка, Зайка, Лошадка, Мячик или, например, *Ежик резиновый с дырочкой в правом боку* у Юнны Мориц и т.д.).

Такая вещь сама по себе может быть большой, а может быть – маленькой. Но в художественном мире конкретного детского стихотворения она, единственная, порой разрастается до почти «вселенских» масштабов, занимая все его внутреннее пространство. Так подчеркивается значимость отдельной вещи, ее место в жизни ребенка.

Вспомним, например, стихотворение С. Маршака *Мой веселый звонкий мяч*. Сколько всего там с этим мячом происходит! У нас на глазах он проживает целую жизнь. Одна простая вещь, но она в стихотворении – центр мира, и вокруг нее весь этот мир и вертится.

Детские поэты, как и сами дети, постоянно с вещами играют! Эти вещи могут быть реально существующими и даже вполне обыденными. Нередко в стихах просто воспроизводится привычная для ребенка «каждодневная» ситуация – игра с окружающими его недетскими предметами.

Вагоны – это стулья,
А паровоз – кровать,
А если ты не веришь,
А если ты не веришь,
А если ты не веришь,
То можешь не играть¹.

Неслучайно это стихотворение Романа Сефа названо *А если*. Если не веришь в это перевоплощение – значит, ты не способен войти в этот детский мир, где все во все легко превращается, все всем становится. Абсолютное доверие читателей лирическому герою – главное условие адекватного восприятия такого рода поэтических текстов, позволяющее нам тоже в процессе чтения стихотворения включиться в игру с окружающими маленького героя вещами и через нее проникнуть в художественный мир конкретного текста.

Ведь в отличие от лирического героя взрослой поэзии, для которого любая игра – это некая условность, лишь имитация реальности,

¹ С. Роман, *А если ты не веришь*, [в:] С. Роман, *Голубой метеорит: стихи для дошкольного возраста*, Москва 1991, с. 51.

для лирического героя поэзии детской игра – это и есть жизнь, ее привычное проявление, она представляет собой основную форму существования, игра для него действительно равна жизни. И детским поэтам ничего в этом смысле не нужно специально придумывать. Им надо только запечатлеть и воплотить в поэтическом слове этот особый вещно-игровой мир.

Вещь в поэзии может быть детской, а может быть взрослой – недоступной и поэтому вожденной. И тогда в стихах происходит ее удивительное превращение. Это может быть «реальная» или метафорическая ее трансформация: из взрослой – в детскую (а иногда и наоборот: из детской – во взрослую). При этом вещь эта юным лирическим героем по-своему переосмысляется, адаптируется, включаясь в контекст детского мировосприятия – как это происходит в стихотворении Романа Сефа *Летающая тарелка*:

Летающую тарелку
Я увидел
Вчера.
Случилось это
На кухне
В полвосьмого утра².

Создание новых образов привычных вещей – явление в художественном мире российской детской поэзии сегодня достаточно распространенное.

Вещь в детских стихах может быть совершенно необыкновенной, вымышленной и даже виртуальной. Вот, например, удивительно «предметное», наполненное самыми разными вещами стихотворение *Игра* Александра Кушнера. Каждая вещь, «помещенная» в нем в «человеческую компанию», не просто оживает – но, будучи повторенная в стихе трижды, растет, увеличивается, как бы возводится в куб. При этом все эти люди и вещи еще и «рифмуются» (Антон-Фонтан-Вагон-Диван)!

Федот Федотович Федотов!
Борис Борисович Борисов!
Компот Компотович Компотов!
Редис Редисович Редисов!³.

² Там же, с. 161.

³ А. Кушнер, *Игра*, [в:] А. Кушнер, *Чудаки: книга для учащихся*, сост.: В.А. Левин и др., Москва 1994, с. 54.

Под пером поэта у нас на глазах рождаются, «материализуются» совершенно новые, виртуальные предметы, новые живые вещи, у которых есть не только имя, но даже отчество и фамилия (этот прием одушевления предметов отсылает нас к стихотворению Даниила Хармса *Иван Иванович Самовар*). Разве же это не доказательство того, что они реально существуют?!

Появление в детских стихах необыкновенных вещей (в том числе – абсолютно «поэтических», живущих только в слове) – плод фантазии ребенка, результат работы его воображения. Их может породить что угодно – даже рифма. И тогда в «придуманных» стихах Незнайки возникают какие-то невероятные «шмакля», «рвакля» и «гакля», а в стихотворении Ирины Токмаковой – «леопад» с «водопардом»:

На помощь! В большой водопад
Упал молодой леопад!
Ах, нет! Молодой леопард
Свалился в большой водопард⁴.

Или, например, появляется придуманное той же Ириной Токмаковой слово «Плим» («Вот прыгает и скачет Плим, Плим, Плим, И ничего не значит Плим, Плим, Плим»). Этот самый Плим не просто становится героем одноименного стихотворения – он рождается прямо у нас на глазах. Причем, рождается – как «смешное слово», которое ничего не значит, но тут же оживает, превращаясь в некое почти виртуальное существо.

Вещи в детской поэзии часто играют не только с лирическим героем, но и друг с другом – прячутся, меняются местами, перепутываются. Огромное количество стихотворений для малышей написано про путаницу и чепуху. Мир путаницы призван, на самом деле, через смешное и нелепое создать у юных читателей представление о реальном бытовании реальных вещей.

На нелепостях строится, например, абсурдистский мир лимери-ков Эдварда Лира. Это традиция берет свое начало в английской народной детской поэзии, которая виртуозно «работает» с вещью. Достаточно вспомнить *Дом, который построил Джек*, и Робина Бобина Барабека, который скушал 40 человек, и стихи про то, что случилось в кузнеце, где «не было гвоздя». Или, например, стихотворение про трех мудрецов в одном тазу. Абсурдность описанной в нем ситуации заключается в соединении мудрецов и таза как странного корабля

⁴ И. Токмакова, *Невпопад*, [в:] И. Токмакова, *Сосны шумят: стихи, повести, сказки*, Москва 1985, с. 22.

для их плавания. При этом главными в стихотворении становятся вовсе не три мудреца, а именно таз. Он повторяется в четырех стихах два раза, причем в обоих случаях он попадает в конец стиха (а значит, особо подчеркивается еще и межстиховой паузой) и дважды «усиливается» рифмой. Таким образом, получается, что благодаря рифме-эху слово «таз» фактически звучит в четверостишии четыре раза (в тазу – в грозу, таз – рассказ), а сам таз оказывается пространственным и смысловым центром стихотворения.

Да и в нашей российской поэзии таких стихов множество: это и классические *Путаница* Корнея Чуковского и *Вот какой рассеянный* Самуила Маршака, и *Веселый старичок*, *Иван Тапорыжкин* и *Врун* Даниила Хармса, и уже современные *Повар* Олега Григорьева и *Хохотальная путаница* Юнны Мориц и многие другие.

Вещи в детских стихах могут быть положительными и отрицательными, хорошими и плохими, добрыми и злыми, могут быть помощниками – и тогда они создают свой особый мир. А могут быть и врагами – и тогда они оказываются источником конфликта и детский гармоничный мир разрушают. Именно так происходит в стихотворении Ирины Токмаковой *Обида*.

Ты меня заобижала,
А скажи – зачем?
Леденец в руке зажала,
Я же весь не съем!

Я просил совсем чуточек,
Крошечку просил.
Осторожно уголочек
Я бы откусил.

Ну и что ж, что он английский –
Этот леденец.
Был тебе я другом близким.
Всё. Теперь конец⁵.

Вещь в данном тексте оказывается не только средоточием эмоций лирического героя, но здесь она – еще и знак отношений. Вещь не просто превращается в импульс для конфликта, она создает конфликтный мир. Она разлучает героев стихотворения, становясь на-

⁵ Там же, с. 56.

стоящим барьером между ними. И это делает финал стихотворения не по-детски трагичным.

Вещь может выступать и в роли антагониста, находящегося по другую сторону конфликта. Им может оказаться школьный дневник или тетрадка со злополучной контрольной, манная каша или разбитая ваза.

Но вещь может оказаться и воплощением взрослого как чужого и даже враждебного.

Я могу и в углу постоять,
Час могу, два могу или пять.
Я не брал эту запонку красную,
Ну, зачем говорите напрасно вы!⁶.

Красная запонка здесь – вещь недетского мира, которая стала знаком очень тяжелых переживаний – знаком поражения ребенка в этом мире взрослых. Ведь им ничего не объяснишь и не докажешь. Это мир недоверия, клеветы, подозрений, ложных обвинений, которые невозможно опровергнуть. Из всего этого нельзя «выпутаться».

В выше приведенных примерах вещь, оказываясь «участницей» или инициатором конфликта, являясь составляющей фабулы, – становится уже реальным двигателем лирического сюжета, его ключевым, основополагающим элементом.

Поскольку, как выяснилось, до сих пор изучением вещного мира детской поэзии никто специально не занимался, в данной статье фактически лишь зафиксировано возникновение этой темы, названы ее ключевые аспекты, обозначены лишь некоторые направления возможных дальнейших исследований – их множество. Здесь никак не представлены индивидуальные вещные поэтические миры – с их личными художественными параметрами (например, вещный мир детских стихов обэриутов!).

Но уникальная значимость вещного мира в детской поэзии, отражающая его особую значимость в детском мире, несомненна и открывает огромное поле для исследований.

⁶ Там же, с. 128.

SUMMARY**The world of things in modern Russian children's poetry**

This article is dedicated to the study of the world of things in Russian children's poetry, its key aspects and artistic originality associated with its gaming component. Different ways of existence of "thing", its function in modern Russian poetic texts for children are discussed in this article.

Keywords: children's modern Russian poetry, lyrical hero, the world of things, the play in the children's poetry.

Ключевые слова: детская современная отечественная поэзия, лирический герой, вещный мир, игра в детской поэзии.